

13. *Шуба, П. П.* Категория числа существительных в русском и белорусском языках / П. П. Шуба // Русский язык : межведомственный сборник / Мин-во высш. и средн. спец. образования БССР, Белорус. гос. ун-т. – Вып. 2. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – С. 91–96.
14. *Груцо, А. П.* О некоторых полонизмах в русском и белорусском языках / А. П. Груцо // Русский язык : межведомств. сб. – Вып. 4. – Минск : Университетское, 1984. – С. 48–59.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. І. Л. Капылоў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
16. *Журавель, В.* Градация в белорусском языке / В. Журавель // Slavistische Studienbücher / herausgegeben von Helmut Jachnow [et al.]. – Wiesbaden, 2001. – Band 12: Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien. – С. 317–338.
17. *Роўда, І. С.* Рознаўзроўневая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў: (у сувязі з праблемай лексічных лакун) / І. С. Роўда. – Мінск : Беларус. дзярж. ўн-т, 1999. – 169 с.
18. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
19. *Беликов, В. И.* Методические новости в социальной лексикографии XXI века / В. И. Беликов // Slavica Helsingiensia / Хельсинк. ун-т ; под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой, Н. Вахтина. – Хельсинки, 2010. – Вып. 40 : Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. – С. 32–49.

The paper presents the results of a corpus-based analysis of the characteristics of Belarusian Russian that demonstrate morphology–lexicon interface (inflection of polysemantic words, use of particles and other markers of grammatical forms, word-formation, etc.). The study shows that the functioning of country-specific lexicogrammatical units is a multifactorial process representing the interplay of system-internal and contact-induced processes in language change.

Поступила в редакцию 31.07.2020

И. В. Метлушко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Проведен анализ белорусскоязычной эмотивной лексики на материале современного поэтического романтического дискурса. Выявлены единицы называющие, описывающие и выражающие эмотивность на разных этапах романтической коммуникации (инициация, оценивание, познание, интенсификация, кульминация). Делается вывод о качественных и количественных сходствах и различиях в единицах, реализующих прямую, косвенную и контекстуальную эмотивность.

Системное рассмотрение языка в совокупности с экстралингвистическим контекстом и интенсивное развитие когнитивистики привело

исследователей к переосмыслению роли и функции эмоций как «особого способа познания и отражения действительности» [1, с. 34]. Д. Гоулман, В. Шаховский, У. Грей, Л. Бабенко и др. полагают, что эмоции – универсальный психофизиологический феномен, «довербальный компонент когниции», первоначальный «двигатель развития разума человека» [2, с. 11]. Специфичным для эмоциональной сферы индивида является то, что он одновременно выступает субъектом и объектом познания [3], задействовав интра- и экстралингвистические составляющие. Язык может фиксировать как само событие, явление, так и рефлексию языковой личности по поводу происходящего, выступая надежным источником информации об «эмоциональном сознании как способе деятельности индивидуума и социума» [2, с. 51]. Более того, «адекватным представлением о языковом сознании человека является его единство не только с языком и с деятельностью, но и с образом мира, с картиной мира, с менталитетом, с культурой, языковой/речевой личностью» [4, с. 6]. Анализ от языка к эмоциям видится надежным источником сведений, т. к. исследование от мира эмоций – к их языковому обозначению не обладает релевантной методологией [5].

Эмоции и чувства, имея экстралингвистическую сущность, получают воплощение в языке посредством лингвокультурно вариативной эмотивности, выстраивающейся на уникальной «эмоциональной константе» [6, с. 11] каждого сообщества. Другими словами, в лингвокультуре присутствует устойчивый, интериоризированный «фильтр», нормирующий способы и средства выражения, табуирования и/или принятия эмоций, чувств, состояний личности, а также средств и способов их выражения.

Особый интерес представляют вербальные источники информации, которые достаточно ярко обнаруживают национальную языковую специфику эмотивности. К таковым относится художественный дискурс в целом, и поэтический в частности, т. к. эмоциональность – конститутивное качество поэтического дискурса.

В статье приводятся результаты исследования эмотивности на материале романтических стихотворных произведений, опубликованных в литературных изданиях «Полымя» и «Маладосць» за 2017–2019 годы. При отборе эмотивной лексики применялся метод анализа словарных дефиниций, содержащих разного рода указания на *эмоции, чувства, состояния*. Учитывались лексические единицы, прямо называющие эмоции; единицы, в которых данные семы выявлены в результате углубленного компонентного анализа, а также единицы, не содержащие эксплицитной эмотивности, однако получившие эмотивный оттенок в контексте.

Под *романтическим* понимается «тип личностно-ориентированного дискурса, в основе которого лежит романтическая любовь между индивидами, вступающими в эмоциональное взаимодействие и осуществляющими обмен эмотивными вербальными и невербальными знаками» [7, с. 4]. В основе романтических отношений находится «базовая потребность человека любить и быть любимым (включающего дискурсы знакомства, первого свидания, признания в любви, бракосочетания/венчания и др.)» [8, с. 139].

Современный белорусскоязычный поэтический романтический дискурс представлен моно- и политематичными произведениями. В 65,5 % проанализированных текстов отражено переживание лирическим героем сверхценности объекта любви и чувства любви как такового. 44,5 % текстов приходятся на размышления и оценивание отношений и поступков персонажей.

Используя классификацию этапов романтической коммуникации, разработанную Т. Г. Ренц [7], нами было установлено, что наиболее частотное воплощение получает белорусскоязычная эмотивная лексика при вербализации этапов оценивания (35,4 %), интенсификации (21,5 %) и формализации (кульминации) отношений (22,2 %). На этапе оценивания лирический герой рефлексует по поводу объекта любви и взаимоотношений; этап интенсификации подробно представляет развитие отношений, сокращение межличностной дистанции между персонажами; этап формализации (кульминации), согласно классификации Т. Г. Ренц, отражает такие явления в жизни персонажей, как предложение руки и сердца, помолвка, свадьба, венчание и др. Например, интенсификация романтической коммуникации между лирическим героем и его возлюбленной реализована через описание встречи вне временных и пространственных рамок: *І будзе вечна доўжыцца спатканне:/У небе, над маёю галавою,/Маладзічок кахання поўняй стане* [ММ, с. 3].

Отметим, что этап формализации (кульминации) романтических отношений в поэтическом дискурсе зачастую реализован иным перечнем кульминационных событий, нежели выделенный Т. Г. Ренц в ходе анализа художественных текстов большого объема (свадьба, помолвка, венчание и др.). Кульминационным этапом в поэтическом романтическом дискурсе выступает, например, разрыв отношений, отказ в общении, признание в любви, радость долгожданной встречи и т.п. С учетом изложенных терминологических расхождений, предлагаем обозначать данный этап романтической коммуникации в поэтическом дискурсе кульминацией отношений, вместо формализации.

Высокая концентрация эмотивной лексики в вербализации этапов оценивания, интенсификации и кульминации романтических отношений связана со спецификой поэтического дискурса – передать наиболее лично значимые события и смыслы в образной, ограниченной стилистическими и жанровыми канонами форме. Более того, этапы оценивания, интенсификации и кульминации отношений сопровождаются широкой палитрой событий, переживаемых эмоций и чувств лирическими героями, включают как кульминационные моменты развития отношений, так и приводящие к этому обстоятельства. Так, неразделенная любовь и последующий разрыв связи между персонажами можно отнести к этапу кульминации отношений: *Ён узяў тую нітку/ды уплёў ў сваю світку./сказаў: «Далей іду сам»* [АА, с. 14].

Этап познания (16,3 %) романтической коммуникации (репрезентирует стремление персонажей понять и поближе узнать друг друга и др.), более широко представлен в проанализированном дискурсе, чем этап инициации отношений (4,6 %) (отражающий знакомство, приветствие, первое общение и т.п.), что обусловлено переживанием лирическим героем сверх-

ценности объекта любви и самого чувства любви, стремлением к осмыслению происходящего. Например, *Колькі жанчын у душы –/Столькі і ёсць каханя./Не думай, не плач – пішы/Жанчыне свайё да рання* [М, с. 21].

На лексическом уровне эмотивность поэтического романтического дискурса представлена терминами эмоций (существительные, именующие переживания), средствами косвенного называния (др. части речи, как правило, производные от терминов эмоций или однокоренные им) и слова с контекстуальным эмотивным оттенком (узуально нейтральные слова, на которые «эмосема наводится контекстом стихотворения» [9, с. 8]).

К наиболее употребительным номинантам эмоций (28,3 % лексем от общего числа выявленных эмотивов равного 100 %) в романтическом дискурсе относятся синонимичные лексемы *каханне* (7,1 %) и *любоў* (3 %): *Хуткае каханне/Выпіла да дна/І пайшла світаннем/У жыццё/Адна* [БА, с. 32]. Разница между данными лексемами заключается в интенсивности эмоции. Так, лексема *любоў* может считаться базовой, что следует из определения – ‘пачуццё сардэчнай прыхільнасці, адданасці каму-, чаму-н. [ТСБМ]. Наличие в дефиниции лексемы *каханне* – ‘вялікае сардэчнае пачуццё да пэўнай асобы другога полу’ компонента ‘вялікае’ свидетельствует о ее маркированности. Большая рекуррентность в белорусскоязычном романтическом дискурсе маркированной лексемы *каханне* в сравнении с лексемой *любоў* выявляет предпочтение авторами лексики с выраженным эмоциогенным потенциалом.

Высокой употребительностью отличаются лексемы *пяшчота* (5,3 % от общего числа отобранных эмотивов) – ‘пачуццё ласкі, замілавання, мяккасці ў адносінах да каго-, чаго-н.’ [ТСБМ], *страх* (3,7 %) – ‘пачуццё і стан вельмі моцнага спалоху’ [ТСБМ], *гора* (3,3 %) – ‘стан глыбокага смутку, душэўнага болю, выкліканы якім-н. няшчасцем’ [ТСБМ]. Специфичным для проанализированного романтического дискурса является совместная реализация данных лексем в одной поэтической строке, что позволяет продемонстрировать амплитуду переживаний лирического героя. Так, персонаж, ожидающий ответа от объекта любви, мыслится стоящим перед диаметрально противоположными участями и чувствами: страх – нежность, объятия – распятие – полет: *Ты стаіш перад безданню страху і пяшчоты,/Ты стаіш, свае рукі падняў – ты гатоў/Да абдымкаў, распяцця,/ці ўсё ж –/да палёту* [РА, с. 37].

К наиболее рекуррентным средствам косвенного называния (36,2 %) в проанализированном дискурсе относятся лексемы со значением ‘испытывать эмоцию’, нежели ‘вызывать эмоцию’. Многочисленны лексемы передающие грусть лирического героя: *смуткаваць* (6,7 %) – ‘сумаваць, журыцца, перажываць смутак’ [ТСБМ]; *сумны* (4,3 %) – ‘які адчувае сум, смутак’ [ТСБМ], *тужлівы* (4 %) – ‘прасякнуты тугой, поўны тугі’ [ТСБМ]. Особую группу составили приглательные, употребляющиеся как ласковое обращение к возлюбленным (4,5 %): *мілы, мілая, любы, шаноўны* и др. Например, *Рунее жыццё Тваё, мілая,/Рунее, завітла ўжо* [ЮА, с. 48]. 3 % всех употреблений проанализированной эмотивной лексики приходится на прилагательные *адзін/адна* в значении ‘без інших, асобна, у адзіноце’ [ТСБМ] → адзінота

‘стан адзінокага чалавека як вынік адчужанасці, разрыву з навакольным асяроддзем; адзіноцтва’ [ТСБМ], интенсифицирующих значение других эмотивов в тексте. Например, описывая возлюбленную в образе лебедя, лирический герой конкретизирует ее эмоциональное состояние прилагательными *тужлівы* и *адзін* : *І лебедзь адна тужлівая/Плыве, нешта шэпча, ого!* [ЮА, с. 48].

35,5 % проанализированной эмотивной лексики белорусскоязычного романтического дискурса приходится на контекстуальные эмотивы, которые усиливают степень экспрессивности, играют существенную роль в понимании авторского послания адресатом, участвуют в создании текстовой образности в целом. Данная группа представлена многочисленными лексемами с невысоким процентом употребительности каждой из них. Например, начало романтических отношений представлено как отпитие из чаши любви, последующее их развитие – как сериал: *Адпіваем з любоўных піял,/Бо іграем ужо серыял/Пра каханне над ліўнем і громам* [ГВ, с. 8]; влюбленность лирических героев – как нити от сердца к сердцу, взаимное приветствие душ: *Ад сэрца да сэрца/ніці,/калі рукаюцца/душы* [АА, с. 38].

Таким образом, анализ эмотивности в современном белорусскоязычном поэтическом романтическом дискурсе свидетельствует о его высокой эмоциональной насыщенности, смысловой напряженности. Выявлена тенденция к возрастанию эмотивности в зависимости от описываемого этапа романтических отношений. Так, количество эмотивной лексики больше при передаче этапов оценивания, интенсификации и кульминации отношений между лирическими героями, чем при воплощении этапов познания и инициации отношений. Примерно одинаковое количество отобранной эмотивной лексики приходится на лексические единицы косвенного называния и единицы, получившие эмотивный оттенок в контексте. Меньшее количество эмотивной лексики употреблено для прямого называния эмоции, т.к. она в некоторой степени снижает потенциальную эмоциональную и смысловую многослойность, вынуждает отдавать предпочтение более эмоциогенной лексике внутри синонимического ряда лексем, прямо называющих эмоции. Лексические средства косвенной и контекстуальной эмотивности создают образные послания, позволяющие сократить коммуникативную дистанцию в эмоциональном обмене между адресатом и адресантом в условиях заданных поэтических канонов, обеспечивают более интенсивную вовлеченность адресата при восприятии романтического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко, Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издат.Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. *Шаховский, В. И.* Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – Москва : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
3. *Филимонова, О. Е.* Категория эмотивности в английском тексте: Когнитивный и коммуникативный аспекты : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04 / О. Е. Филимонова. – СПб., 2002. – 382 л.

4. *Горошко, Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Горошко. – М., 2001. – 44 л.
5. *Квасюк, И. И.* Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. И. Квасюк. – М., 1985. – 254 л.
6. *Wierzbicka, A.* Emotions across languages and cultures: Diversity and universals / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – 349 p.
7. *Ренц, Т. Г.* Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Т. Г. Ренц. – Волгоград, 2011. – 23 с.
8. *Ренц, Т. Г.* Романтический дискурс в коммуникативно-семиотической парадигме / Т. Г. Ренц // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 25 (240). – С. 138 – 142.
9. *Быдина, И. В.* Движение эмотивной семантики поэтического слова (на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Матеевой) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Быдина. – Волгоград, 1994. – 19 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://verbum.by/>. – Дата доступа : 25.07.2020.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- ММ – *Маляўка, М.* Маладзічок каханья / М. Маляўка // *Полымя*. – 2017. – № 1. – С. 3 – 4.
- АА – *Агрэніч, А.* А я ззяла нястомна / А. Агрэніч // *Маладосць*. – 2019. – № 6. – С. 14.
- М – *Мікаловіч.* Колькі жанчын у душы / Мікаловіч // *Полымя*. – 2018. – № 1. – С. 21.
- БА – *Беланожка, А.* Ажына / А. Беланожка // *Маладосць*. – 2018. № 10. – С. 32.
- РА – *Руіс, А. Э.* Ты стаіш на парозе між явай і сном / А. Э. Руіс // *Маладосць*. – 2019. – № 1. – С. 37.
- ЮА – *Ючкавіч, А.* Лебедзь / А. Ючкавіч // *Маладосць*. – 2018. – № 8. – С. 48.
- ГВ – *Гардзей, В.* Каханне над ліўнем і громам / В. Гардзей // *Полымя*. – 2018. – № 2. – С. 8.
- АА – *Агрэніч, А.* Вяртайся / А. Агрэніч // *Маладосць*. – 2019. – № 5. – С. 38.

The article presents the analysis of Belarusian emotive language in modern poetic romantic discourse. Lexical units that name, describe and express emotivity at different stages of romantic communication (initiation, assessment, cognition, intensification and climax) are identified. A conclusion is drawn about the qualitative and quantitative similarities and differences in the units that implement direct, indirect and contextual emotiveness.

Поступила в редакцию 03.08.2020